

Максим Аржаков

Этюды старой мансарды

Опыты мистического
экспрессионизма

Максим Аржаков

**Этюды старой мансарды.
Опыты мистического
экспрессионизма (сборник)**

«Accent Graphics communications»

2016

Аржаков М.

Этюды старой мансарды. Опыты мистического экспрессионизма
(сборник) / М. Аржаков — «Accent Graphics communications», 2016

...и снова... Настольная лампа мягко освещает угол письменного стола. Булькает кофеварка, распространяя такой приятный, особенно в непогоду, запах. Детально прописанные картины реальной жизни уступают место импрессионистическим этюдам – крупным и, на первый взгляд, бессистемным мазкам. Факты истории, тщательно упрятанные в хронологическое ложе, теряют свою однозначность, прячутся под покровом полупрозрачной романтики. Мифология, мистичность которой давно уже убита излишней конкретикой, отступает перед роем пугающе неопределенных, странных теней. Все когда-либо увиденное, услышанное и прочитанное рисуется в туманной дымке. ...разум заполняют размытые образы...

© Аржаков М., 2016

© Accent Graphics communications, 2016

Содержание

Скандинавские мотивы	7
I	7
II	9
Зарисовки Старой и Новой Голландии	11
I	11
II	13
1910. Реминисценция	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Максим Аржаков

Этюды старой мансарды. Опыты мистического экспрессионизма

– Ты нарисовал целый ряд картин, пока рассказывал, – заметил я.

Да, – кивнул он. – Но все они без начала и без конца.

Дж. Лондон

«Тропою ложных солнц»

Это был воистину бесценный подарок щедрой судьбы. Три с лишним недели в маленькой уютной мансарде под крышей столетнего семиэтажного дома почти в центре древней европейской столицы. Из окна, прорубленного в покатой черепичной кровле, можно было видеть крыши и стены соседних домов, а где-то внизу текли узкие извилистые улицы, струился поток машин и велосипедистов...

В ненастные дни капли дождя весело и упорно били в окно, утомленно стекали по стеклу, неожиданно замирали посреди окна на невидимом глазу препятствии и обрушивались вниз извилистыми ручейками. По желобу прямо под окном журчала вода, и было так хорошо сидеть с ногами на подоконнике, курить английский трубочный табак, дымок от которого стлался ароматными слоями по комнате, прихлебывать терпкий херес и грызть миндаль. Настольная лампа мягко освещала ближний угол. На тумбочке булькала кофеварка, распространяя такой приятный, особенно в непогоду, запах.

Удивительный коктейль, составленный из табака, хереса, кофе и дождя, очищал разум от повседневных проблем, уносил мысли ввысь и вдаль.

Детально прописанные картины реальной жизни уступали место импрессионистическим этюдам – крупным и, на первый взгляд, бессистемным мазкам. Факты истории, жестко уложенные в хронологическое ложе и биографические, четкие рамки, теряли свою однозначность, прятались под покровом полупрозрачной романтики. Мифология, мистичность которой давно убита излишней конкретикой, отступала под напором пугающе неопределенных, странных теней...

Все когда-либо увиденное, услышанное и прочитанное рисовалось в туманной дымке. Память заполняли размытые образы...

Скандинавские мотивы

I

*...Тени пляшут по стенам, черны и легки.
За дубовым столом собрались старики.
О геройских годах в полуночном краю
Седовласые скальды поют, поют...*

...и сидит на высоком троне во главе стола одноглазый бородач, опершись на диковинное, покрытое мелкой резьбой копьё. Лежат у его ног два огромных волка. И сидят на его широких плечах два ворона. Трепещет вокруг листва ясеня, у корней которого в страшном царстве мертвых Хель плетут судьбы богов, героев и смертных, плетут судьбы мира вещи норны...

...и пьют воины столетние мёды, потому что

*тот, кто видел в сражениях близкую смерть,
Тот умеет и в кубок хмельной посмотреть.*

...крутится в очаге над огнем на огромном вертеле вепрь, чтобы, утолив ненасытный голод легендарных воинов, возродится назавтра снова...

...уходили из скалистых фьордов Мидгарда узкие хищные драккары, уходили в свинцовое море, в свинцовый туман, скрывающий Утгард – дикий мир хаоса и злобных великанов. И кружились, и плакали над драккарами чайки. И летели за ними невидимые девы-валькирии...

...с ревом били в прибрежные камни короткие злые волны и откатывались в изнеможении назад, шипя в гальке. И смотрели с берега вслед уходящим кораблям прекрасные белокурые женщины с волшебными древними именами Гудрун, Урсула, Гунилла...

...покидали родовой одаль свирепые бородатые мужчины, дабы сгинуть бесследно в боях и штормах. И сияла в небе семицветная дуга – мост в царство богов Асгард. Но, нет, не умирали герои! Подхватят валькирии обмякшее тело воина и вознесут в Валгаллу – к трону великого Одина.

...безжалостный вихрь с диким посвистом и воем обрушивался на прибрежные селенья северных и южных земель...

*...паруса наши были предвестник беды.
Мы всегда приходили из тьмы и воды
И сжигали дотла города.
Нас всегда приносила вода.*

...щадили море и ветер своих преданных, верных сыновей, а солнце, звезды и луна выводили их к родным берегам...

...корпят в убогих, темных землянках Ледяного Острова над руническими письменами поколения и поколения одержимой нации поэтов. Сплетают слова в пряди, а пряди – в саги. Играют с магией Звука и Слова, ткут причудливый орнамент аллитераций и рифм...

*...Ваше время уходит, седые бойцы.
От сражений остались лишь шрамы-рубцы.
Вашу юность, герои, и ярость в бою
Полустертые руны поют, поют.*

И ревет уже трубно рог Хеймдалля, и пенит морские волны, стремясь к берегу, страшный корабль мертвых, рвет волшебные путы волк Фенрир, и всплывает из бездны мировой змей. И встают из-за пиршественного стола Валгаллы воины-эйнхари, чтобы вместе с богами-асами достойно принять в последней битве с силами Зла то самое Ничто, имя которому – Вечность...

...Уходит эпоха. И опускаются сумерки, сумерки...

II

Я жил тогда в далекой северной стране, в Городе – Торговой Гавани, столице древнейшего европейского королевства. В Городе черепичных и медных крыш, отливающих изумрудом в лучах заходящего солнца, острых шпилей и узких, прихотливо переплетающихся улочек. В Городе легенд и сказок, неведомым образом сохранившем флер ушедших времен. В Городе, когда-то запиравшемся на ночь на ключ, хранившийся до самого утра у короля под подушкой. В Городе, в котором потрясенному Тихо Браге некогда явилась на ночном небосклоне странная звезда Аль-Аарааф.

Целыми днями я бродил по этому Городу, где...

...темное даже в ясные дни ущелье главной пешеходной улицы, разреженное солнечными полянами площадей, выводит к Новой Гавани, узкому каналу, застроенному тесно, плечом к плечу стоящими старинными домами. Парусники лениво качают мачтами, а на старых кнехтах, на почерневших, просоленных колодах, на огромном корабельном якоре сидят бородатые мужчины в морских фуражках и с трубками в зубах, потягивают из бутылок дешевое пиво.

...по улицам идут стройные, светловолосые, загорелые девушки, красивее которых нет на свете.

...на старой площади в струях воды пляшут бронзовые птицы, а у входа в порт сидит на камне наполовину женщина, наполовину рыба, печально склонив голову под вспышки фотокамер. И качаются на зыбкой морской волне скромные букетики цветов, брошенные ей с бортов проходящих мимо кораблей.

...уличные музыканты сплетают воедино задиристый рок-н-ролл, мелодии Элвиса и Фрэнка Синатры с англо- и русскоязычным фолком и мистической южноамериканской флейтой, а вечерами из караоке баров льются популярные фонограммы, слышно непрофессиональное пение и поощрительный хохот и свист добродушной публики.

...по каналам идут открытые моторные боты, и свежий озорной ветер треплет волосы и косынки туристов.

...в открытом кафе на Ратушной площади так хорошо, спокойно пьется пиво. А мимо идут беззаботные веселые люди. Местные жители и туристы, приехавшие Бог весть откуда на свидание с великим городом. А чуть сбоку, справа от Ратуши сидит, задравши кверху и вбок голову, долговязый и нелепый бронзовый человек, несчастливый романтик и фантазер, прославивший свою маленькую страну странными и малопонятными, добрыми и, в то же время, жестокими сказками.

...на Израильской площади в воскресные дни раскидывается веселый, шумный рынок старых, мало кому нужных вещей. И сопят трубки, пыхают сигары туристов, перебирающих остатки давно ушедших эпох. Бог мой, сколько времени я провел в этом месте, выбирая, прицениваясь, торгуясь с веселыми загорелыми продавцами... И ходил среди нас невысокий печальный человечек в старом, истертом фраке и в цилиндре, толкая перед собой стонущую и хрипящую шарманку с сидящей на ней грустной плюшевой обезьянкой...

...по вечерам в озерах отражаются освещенные окна домов, уличные фонари, огни рекламы. И так уютно сидеть за столиком на открытой веранде, уперев ноги в фигурную решетку и прихлебывая черное пиво, думать, думать... «... думать о своей судьбе...» – как писал когда-то выходец из безвестной деревеньки Никола, под лысеватым черепом которого рождались великие в своей простоте стихи.

Я уходил на целые дни бродить по предместьям и пригородам Торговой Гавани. По узеньким, уютным улочкам, заставленным игрушечными, маленькими особнячками с непременноми лужайками и цветниками. Я шел по паркам, где гуляют олени, а по аллеям скачут

всадники в красных фраках, белых лосинах и цилиндрах. Я спускался по камням к морю и слушал его вечный, никогда не надоедающий голос. Волны ласкали мои голые ступни, а я сидел, подставив лицо не по-северному горячему солнцу. Я уезжал по приморскому шоссе в городок, где стоял когда-то на скалах замок того самого легендарного принца, что любил задавать вопросы, на которые никогда не будет найдено ответов. Сколько раз я петлял между домиков приморского поселка моряков и рыбаков на восточной оконечности Чертова острова. И грустно смотрели на меня сквозь стекла окон смешные глиняные и фарфоровые фигурки, выставленные на подоконники по давнишней традиции ждать ушедших в море мужчин.

Я любил этот город, эту древнюю страну, этот остров, сжатый холодными северными водами, в любой сезон, в любую погоду. В солнечные весенние дни все вокруг – деревья, улицы, мощенные брусчаткой мостовые, озера и каналы – расцветало волшебными красками и оттенками, благодарно радовалось милостям погоды. Камни декоративных оград, увитых плющом, как-то очень торопливо впитывали солнце и отдавали тепло мягкими упругими волнами. И густо, по-южному пахла облетевшая хвоя вечнозеленых кедров. Осенняя непогода окрашивала окружающий мир в мягкие размытые тона. Покрывала пленкой мелкого, морозящего дождя, а вечерами заболоченные, заросшие высокой осокой озера окутывали землю прозрачными туманами. Зимний, северный ветер гнал с моря черные тучи и изредка бросал на бурую землю белый снежный покров. Дышал суровой, седой скандинавской древностью...

Зарисовки Старой и Новой Голландии

I

Уже как неделя застыли каналы,
Уже как три дня побелела окрестность,
И снегом покатые крыши одеты —
Пушистым покровом примерно в два дюйма.

Цепочку следов за собой оставляя,
Охотник торопится краем обрыва,
Сгибаясь под тяжестью знатной добычи,
Посвистывая вслед трусящей собаке.

Сопя отмороженным носом, мальчишка
Сутулится зябко в коротенькой куртке,
По льду меж камней увлеченно гоняя
Подобием клюшки коровью лепешку.
А в устье реки у далекой плотины,
Где вмерзли в торосы широкие барки,
Где мельница крыльями машет лениво,
Трепещут по ветру трехцветные флаги

Над ярмаркой людной, беспечной и грешной,
Которую долгие ждали полгода,
Которая легкое дарит веселье
В холодное, хмурое зимнее время.

Как весело в дымной харчевне с морозца
Хватить оловянный стаканчик настойки
И, крикнув, размашисто шлепнуть ладонью
Широкую задницу взвизгнувшей Анны.

И сдвинуть с приятелем пенные кружки
За тех, кто в бушующем Северном море
Ныряет в волнах под упругой холстиной,
До края налитой веселым зюйд-вестом.

II

В дебрях и чащах седого Гудзона
Вечером поздним и осенью поздней
Жёлтость и сумрак сплелись прихотливо,
Трогая сердце отрадной печалью.

Трогая сердце ледком на озёрах,
Шёпотом их камышей прибрежных,
Дальним селеньем, затянутым дымкой,
Тихим шуршаньем листвы под ногами.

В этом пространстве отрадной печали
Духи витают в осенних одеждах,
Сотканных из потемневших деревьев,
Шума плотины, игры листопада.

Сотканных из уходящего лета,
Близкой зимы, туч унылых и низких,
Стада овец, торопящихся к хлеву,
Жара и дыма голландских каминов,

Запаха пива и тёплого хлеба,
Скрежета флюгера ратуши старой...

1910. Реминисценция

Мелькнула в небе комета Галлея, дохнула на Землю ужасом вселенской, космической катастрофы.

...В жизни мы живем лишь раз...

Извозчики, «ваньки», тройки, экипажи на дутых шинах с фонарями на козлах, пыхтящие новомодные моторы... «Шаффёр! К «Яру»... «Стрельне»... к цыганам... румынам... девочкам... шансоньеткам... к черту на рога... да только жива-а-а!...»

*...светлячки всю ночь летают,
светлячки нам спать мешают...*

Неотвратимое следствие непостижимой человеческим разумом небесной механики – губительный снаряд, нацеленный в Землю, страшная в своей предсказуемости парабола
... бац ...

«...и сгорим, господа, к чертовой матери как мотылек вместе со всей этой вашей хваленной цивилизацией ... впрочем, туда ей и дорога...»

Томные мелодии входящего в моду танго. Театр миниатюр Арцебушевой в Мамонтовском переулке.

Сегодня и ежедневно! Королева танго!

Непревзойденная Эльза Крюгер!

Щемящая, неуловимая греховность и узаконенная эротика латиноамериканских движений и звуков.

«А завтракать, господа, попрошу к Всехсвятскому – в «Гурзуф» или к «Жану».

Черные монахи, старухи с иконами в высохших, затянутых пергаментом кожи руках, с пылающими глазами, с изможденными лицами...

Кайтесь!

Мелькнула в небе комета Галлея и сгинула в космической бездне, унося в своем полупрозрачном звездном шлейфе души самоубийц и сумасшедших, чей разум не выдержал ожидания уготованного миру конца... Засеяла семена неотвратимости, необходимости и сладостного ожидания катастроф...

Прыгающее на потном, угреватом носу пенсне, нервным дрожаньем рук мелкий звон стакана с чаем в дешевом подстаканнике, дергающаяся козлиная борода, и с брызгами слюны: «России, господа, нужны потрясения. Хааарошенькие потрясения, господа, ... Этакое кровопусканье... Удобрим русскую землю-матушку людской кровушкой, дабы взросла на ней новая, чистая раса...»

Идут в просторах океанов сверхмощные дредноуты, готовые сей же час ударить по цели залпом двенадцатидюймовых, чудовищных снарядов. Скользят в таинственной толще вод неуловимые субмарины, тая в своих аппаратах самодвижущиеся, неотвратимо убийственные мины. Переваливаются, пока еще неуклюже, на полигонах громоздкие стальные коробки на невиданном гусеничном ходу. Плывут в небе сигары военных дирижаблей, а легкие, вызывающие восторг и преклонение перед силой человеческой мысли аэропланы уже отрабатывают перспективные и эффективные системы направленного бомбометания.

Призрак то ли коммунизма, то ли самого Маркса будоражит неокрепшие умы жаждущего справедливости, прекраснодушного юношества, внушает самому угнетенному классу

идею исторически обоснованного превосходства, заботливо возвращает европейские питомники революционных идей самого различного толка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.